

ТЕЛЬКАНОВ Сергей Алексеевич (1911–1974)

Родился 16 августа 1911 г. в пос. Майкорского завода Соликамского уезда Пермской губернии. На фронтах Великой Отечественной – с первых дней войны, вначале рядовым солдатом, потом политработником дивизии. Прошел Сталинград, Курскую дугу, Днепр, Украину, Молдавию, Фокианы, Румынию, Чехословакию, Венгрию, Австрию, Монголию, Маньчжурию. Закончил войну в Порт-Артуре. После Победы до увольнения в запас работал военным журналистом. В эти годы вышли книги его стихов «Пути-дороги», «Знамя полка», «Слово к друзьям», «Великий или Тихий», «Костры походные», «Память сердца». Награжден орденами Отечественной войны I степени (дважды), Красной Звезды (дважды), «Знак Почета»; 14 советскими медалями; медалями Монголии «За победу над Японией» и Китая «Китайско-советская дружба». Умер в Хабаровске в мае 1974 г. В этом городе на доме 88 по ул. Истомина, где писатель-фронтовик прожил 22 года, установлена мемориальная доска с его портретом

***

У дома женщина стояла

Необычайной красоты.
В ее глазах тоска мерцала,
Немой вопрос: «Куда же ты?»
Куда же я? Гудят высоты,
В огне пожаров небосклон,
И на плечах у нашей роты
Висит фашистский батальон.
Я промолчал. Она вздохнула.
К колодцу тихо подошла,
Воды ведёрком зачерпнула,
Мне полный ковшик подала.
Кивнула молча на прощанье,
И я минуту проклял ту,
Когда врагу на поруганье
Оставил эту красоту.

ДЕВЧОНКИ

Их было двое в полушубках стареньких.
В ту ночь в степи буянила пурга.
Девчонок этих где-то ждали маменьки,
А шли они в глубокий тыл врага.
Им предложили кашу, чай с галетами,
Печурки нашей слабое тепло.
Никто девчат не осаждал советами,
Сказали только: – Будет тяжело.

А им бы надо бегать на свидания,
Сидеть в кино и под луной мечтать.
Ушли девчонки в полночь на задание.
Мне больше их не довелось встречать.

ИЮНЬ

Какое слово страшное – «война»!
Оно пришло оттуда, от границы.
И ты стоишь безмолвно у окна.
Лицо – как мел, опущены ресницы.
И я молчу. Июньский светлый день
Вдруг помрачнел, закрылся дымкой тёмной,
Как будто в небе самолета тень
Повисла чёрной свастикой огромной.
Как будто рядом слышен детский крик,
И тут же рядом пламя крыши лижет.
И наш сынишка сжался и притих,
Малыш стремится быть ко мне поближе.
Стою, молчу, не наляжусь на вас,
И всё яснее слышу грохот боя,
И тихий свет родных печальных глаз
Туда, на фронт, я уношу с собою.
...Гармонь грустит о чем-то дорогом.
Дымят бойцы махоркою в вагоне.
А женщина осталась на перроне.
И мальчик с ней. И ночь лежит кругом.

НА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ

Плещутся в небе зарницы,
Пушки надсадно гремят.
– Вот и дошли до границы, –
Кто-то сказал из солдат.
Вот и дошли, а давно ли
Волга была за спиной...
Роща над Прутом* и поле
Пахнут молдавской весной.
Время траншей не замыло.
Всюду воронки видны.
Тяжко кому-то здесь было
В первые сутки войны.
Где их могилы – не знаю.
Сколько их пало в бою?..
Молча ушанку снимаю,
Долго в раздумье стою.

** Прут – река на Украине, в Молдавии
и Румынии, приток Дуная.
Молдавия, 1944*

ЗАВЕЩАНИЕ

Свинцовые ветры дули
Всю ночь на пути полка.
В атаке скосила пуля
Сержанта-сибиряка.
Сказал он друзьям: – Я знаю,
Мне мало осталось жить.
Прошу меня у Дуная,
В Белграде, похоронить.
Пусть будет славянский город
Последним приютом мне...
Рокочут, ревут моторы,
Осенняя степь в огне.
В молчанье бойцы застыли.
Печаль, как полынь, горька.
В Белграде похоронили
Сержанта-сибиряка.

Вдали от родного края
Лежит он, и с той поры
Приносят ветры к Дунаю
Журчание Ангары.
Идут к нему люди с пашен,
Из дальних рыбацких хат.
Заботливым, верным стражем
Хранит его сон Белград.
Югославия, 1944

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Одни её встречали у Рейхстага
И расписались на его стене.
Других цветами осыпала Прага,
И знали все: пришёл конец войне.
И где-то там, в чаду годов, остались
И дымный Брест, и под Москвой пурга,
И Волги непомерная усталость,
И огненная Курская дуга.
Все фронтовые вёсны, лета, зимы,
Курганы, дзоты, рубежи боев,
Майданеки, Дахау, Освенцимы,
Зловещие руины городов.
И каждый знал, что это не вернётся,
Что злобный враг повержен и разбит,
Что жизнь опять, как прежде, всколыхнётся,
Рекою полноводной зашумит.
И снова май... Гремят стволы орудий,
А в небе много праздничных огней...

Не забывайте День Победы, люди,
О том, что было, что стоит за ней.

ОТЧИЗНА! Я ВСЕГДА ТЕБЯ ЛЮБИЛ...

Отчизна! Я всегда тебя любил.
Но в юности, назвав себя поэтом,
Подчас не в меру многословным был, –
Не осуждай, прости меня за это.
Твердил бессчётно о любви своей.
Но грянул гром, и с первым же снарядом
Всё сразу стало ясного ясней,
И оказалось – громких слов не надо.
Не нужно распинаться о любви
К родным лесам, к дубкам на косогорах.
Враг за рекой. Его останови,
Спаси всё то, что любишь, от разора.
Взгляни на эти чёрные поля.
На тыщи вёрст в ночном покрове плотном
Лежит твоя родимая земля
В огне, в дыму и в горе всенародном.
И надо нервы крепко сжать в кулак,
Ползти, стрелять, окоп быстрее вырыть.
А если смерть, то так упасть, чтоб враг
Из мёртвых рук не смог ту землю вырвать.
А пушки бьют, и стынет чья-то кровь.
Вся даль в огне – она грозна, огромна.
Наверно, настоящая любовь
Всегда скромна, проста, немногословна.

ОКЕАН

Сколько суток мы шли к берегам океана
От монгольских песков и отрогов Хингана?..
Сколько верст фронтовых, раскаленных боями,
В этом трудном походе осилено нами?..
А сегодня мы вышли с тобой к океану.
Я гляжу на него и смотреть не устану
На зеленые волны, что, пенясь, вскипают,
То притихнут на миг, то опять громыхают.
Словно бьют на фортах крепостные мортиры,
Словно песню поют усачи-канониры,
Словно катится грозной лавиной атака.
И рокошет «Ура!» среди ветра и мрака.
Да, здесь русские пушки когда-то гремели,
Наши деды сражались на сопках горбатых.
Тишина в Порт-Артуре. Лишь слышно – запели
О «Варяге» знакомую песню солдаты.

Маньчжурия. 1945

***

До колодца сто километров.

Это значит, что нам опять
По пескам, под монгольским ветром
Двое суток шагать, шагать.
Путь такой нелегко дается,
Будто весь ты горишь в огне.
Батальон подошел к колодцу,
Только нет ничего на дне.
И опять под палящим ветром
Командиры ведут солдат.
– До колодца сто километров! –
На привале сказал комбат.
1945

МАТЬ

Плачет мать. Неуютно ей, плохо.
Плохо было и маме моей,
Что ждала до последнего вздоха
Не пришедших с войны сыновей.
Не спала, похоронкам не веря,
Всё казалось, что поздней порой,
Приласкав собачонку у двери,
Постучит и один, и второй.
Всё ждала. Ожидая, завяла.
Так, наверно, все матери ждут.
Перед смертью мне тихо сказала:
– А ребята, сыночек, придут...
И когда я сейчас вспоминаю
Не вернувшихся братьев своих,
Не моя уже мать, а другая
Сына ждет, что недавно погиб.
Те фашистами были убиты,
Ну а этого, злобы полны,
Подлой пулей сразили бандиты,
Что с заречной пришли стороны.

Дом затих, не скрипят половицы,
Только матери снова не спать...
Встал давно обелиск у границы,
А она всё равно будет ждать.

***

Четверть века – это четверть века.
Что за ней?

Минувшая война.

Вновь к горящим городам и рекам
Призывает издали она.
Я ей твердо говорю:

—Довольно!

То, что было, — где-то далеко,
Так зачем же сердцу делать больно,
Четверть века волновать его?

Но не сладить с ней мне, не сумею,
Что там годы бы ни принесли.

.....
На полях запаханы траншеи.
В памяти они не заросли.

***

Картины эти в памяти свежи.

От них мне никогда не отмахнуться...
Пехота оставляет рубежи,
А по дорогам беженцы плетутся.
С крестом на башне танк пшеницу мнет,
Как люди, перелески поседели.
И дым вокруг, и в том дыму идет
Россия в серой фронтowej шинели.

***

Сколько лет, сколько зим

Без тепла твоих рук я живу.
Годы встали, как лес,
В них петляет мой жизненный путь.
Ты приходишь во сне,
Ты не можешь прийти наяву.
Грустно смотришь в глаза
И твердишь мне одно:
Позабудь!
А сквозь толщу годов
Ясно видится берег реки
И разливы полей
С золотистой своей тишиной.
Я иду по тропе,
Я срываю с межи васильки
И дарю их девчонке,
Что рядом шагает со мной.
И сквозь толщу годов
Я другие мгновенья ловлю.
Синий вечер в огнях,

В старом парке беседки уют.
Словно шелест листвы,
Слышу робкое слово «люблю»,
И сынишки лицо,
И глаза его в дымке встают.
Где-то в толще годов
Заклубился метельный туман.
В сталинградской степи
Фронтная клокочет гроза.
В блиндаже напевает баян
Про снега и снега,
Про улыбку твою и глаза.
И, как в песенке той,
До тебя далеко-далеко,
Больше тысячи верст,
А до смерти четыре шага.
Ты с сынишкой сидишь,
Ты печально глядишь на него.
В сталинградской степи
Фронтная бушует пурга...
Сколько лет, сколько зим,
Без тепла твоих рук я живу.
Годы встали, как лес,
В них петляет мой жизненный путь.
Приходи хоть во сне,
Коль не можешь прийти наяву,
Посиди, погляди,
Но не надо твердить:
«Позабудь!»

КАПИТАН

Машинный гул висит над переправой.
Дунай продут весенним ветерком
А капитан, высокий, худощавый,
Давным-давно мне, кажется, знаком.

Осколками пробита плащ-палатка,
Спокойный взгляд, упрямо сжатый рот,
И вроде не из робкого десятка, —
Не кланяется пулям, а идет.

Неторопливо к берегу шагает,
А я слежу за ним из гущи лет:
Он чем-то мне меня напоминает,
Лишь седины у капитана нет.

А как похож. Как будто кто-то в шутку

Устроил встречу мне с самим собой.
И я кричу: – Пойдите, на минутку,
Один вопрос, товарищ дорогой!
Нет, он меня не знает и не помнит,
Чтоб где-то раньше мы встречались с ним.

.....
Сидит в раздумье старый подполковник
Над пожелтевшим фото фронтовым

НАДПИСИ НА РЕЙХСТАГЕ

Их уничтожили, чтоб мир забыл о них,
С колонн со штукатуркой обдирали,
Чтоб поколения немцев молодых
О том, что было, ничего не знали.

Чтоб фюрер – новоявленный, живой –
Готовить мог своих зверей к походам,
Чтобы какой-то дошлый рядовой
Из первого или второго взвода

Не указал рукою на рейхстаг,
Взглянув на испещренные колоны,
И не спросил наивно:

– Как же так,

Здесь был Иван Аксенов из Коломны?
Их уничтожили, чтоб наших пушек гром
Они сквозь годы к ним не доносили.

.....
История написана пером,
И, как известно, тут топор бессилен.

МОГИЛА У БАЛАТОНА

Где-то Балатон плещет волной бирюзовой
И она рассыпается веером брызг.
Где-то голуби реют над здравницей новой,
Где-то чайки бесстрашно бросаются вниз.

Ну, а я обращаюсь к годам далеким,
И не чайки вдали, а – разящий удар...
...В самоходке сгорел капитан Самохин
У венгерского города Секешфегервар.

А позднее, в году, от войны не близком,
Если точно сказать – в пятьдесят шестом,
Хмурым утром осенним над обелиском,
Где лежит он, опять раскатился гром.

И опять стекленели
глаза убитых,
Пулемет раскрывал
                                        свою злобную пасть,
Коммунистов венгерских ловили бандиты,
Чтобы вновь утвердить капитала власть.

Автомат выбивал свои страшные строки,
А гранаты неистово сеяли смерть,
И, казалось,
мой друг капитан Самохин
Шевелился в земле и кричал:
                                        – Не сместь!

И казалось, взывал к нам:
                                        – Друзья, поспешите!

Может стать роковым промедленья час.
Здесь свобода нуждается в крепкой
защите,
И никто не спасет ее, кроме вас.

Да, была
                                и такая суровая вежа.
Те тревожные дни
                                и сейчас мне видны.

.....
Это тоже записано
                                        в четверть века.

В четверть века,
Прошедшую после войны.

ГЛАЗА

Глаза, глаза, десятки, сотни глаз,
Улыбчивых и грусть затененных,
В то утро чехи провожали нас
В одном из городов освобожденных.

Нас обнимали, нам несли цветы,
Трепал косынки теплый летний ветер.
После годин военной маяты
Был городок и радостен, и светел.

И вдруг глаза, еще одни глаза
Приметил я среди толпы огромной.
Но эти не туманила слеза –
Они смотрели холодно и злобно.

Цветы, улыбки, музыка вокруг,
И господин с таким холодным взглядом...
И чуял я, что это был не друг,
Был враг, налитый ненависти ядом.

Я закричал:

– Держите, вот он, вон!

Но кто меня услышал или понял:
Уже качнувшись, тронулся вагон
И тот в толпе остался на перроне.

Я не скажу, кем был он и кем стал.
Возможно, в тайном отсиделся месте,
В дни мятежа оружием снабжал
Молодчиков кровавых в Будапеште.

А может быть, как мастер подлых дел,
В такой же роли в Праге подвизался...
Я так жалел,

Я так всегда жалел,

Что нам он в сорок пятом не попался.

СОЛДАТ

А в Трепов-парке бронзовый солдат
Несет свой пост, тяжелый меч сжимая.
Он устремляет вдаль пытливый взгляд,
Все замечая, все запоминая.

Ничто не ускользает от него.
Там ясный день, а там – закрылся тучей,
И вот совсем-совсем недалеко
Маячат пальцы свастики паучьей.

Откуда, кто, зачем ее извлек?
Знать, у кого-то слабовата память,
Когда так скоро позабыть он мог
Рейхстаг в дыму и над рейхстагом знамя.

Плывут над парком тихо облака,
Смеются дети весело и звонко.
И вдруг все с той же свастикой рука
Прицелилась в спасенного ребенка.

Глядит сурово на нее солдат,
В нем, кажется, напрягся каждый атом,
.....

И тот, другой, отводит автомат
Под этим бронзовым, тяжелым взглядом.

ЛИНИЯ ФРОНТА

Помню, как дым уходил с горизонта,
Вешнее небо делалось чистым,
Помню, как кончилась линия фронта,
Как собирали карты штабисты.

Помню, братва от войны отмывалась,
Армии шли к постоянным квартирам.
Помню...

    Но линия фронта осталась,
Как на земле остались два мира.

То она там, в говорке елейном,
За океаном, на Ассамблее,
То вдруг ударит побатарейно
На обожженных полях Кореи.

В джунглях Вьетнама, в лесах кубинских,
На аравийских знойных барханах,
То обозначится в радиописке,
В радиограмме, в толще романа.

То у границы, то в отделенье,
Часто без дыма у горизонта,
Ночью и днем, всегда в напряженье,
Действует

    эта линия фронта

***

Танки рушат дубы, подминают кусты,
В белоствольные рощи врываются с хода.
Пахнут дымом цветы, пахнут кровью цветы.
Это запах цветов сорок первого года.

Снова пламя с утра захлестнуло поля.
Хлеб горит, и не видно совсем солнцевсхода.
Пахнет дымом земля, пахнет кровью земля.
Это запах земли сорок первого года.

Было десять атак на участке полка.
Уцелело лишь трое из нашего взвода.
Пахнет дымом строка, пахнет кровью строка.
Это запах стихов сорок первого года.

ПЕРЕПРАВА

Донская переправа,
Сто «юнкеров» над ней.
Огня и дыма лава
Все гуще, все плотней.

Паром разбитый тонет.
Другой — задел снаряд.
Кричат, как люди, кони,
А люди не кричат.

На лодках, на понтонах
Они плывут вперед.
И падают без стога,
А немец бьет и бьет.

Висит над переправой
Как туча в двести крыл.
.....
Мы взяли берег правый,
А Дон здесь красным был.